

УДК 330.341:334(47)
ББК 65.9-962(2Рос)

Г.Н. Макарова

КРУПНЫЙ РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС КАК ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Крупный российский бизнес создает все больше ограничений для роста отечественной экономики из-за своей зависимости от неустойчивых цен на внешних рынках, оттока российских капиталов за рубеж и массового вывода предприятий за пределы российского правового поля.

Ключевые слова: экономический рост, мировые цены на сырьевые ресурсы, отток капитала, коррупция.

G.N. Makarova

RUSSIAN LARGE-SCALE BUSINESS AS CONSTRAINING FACTOR IN THE COUNTRY'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Russian large-scale business is creating more and more obstacles to the country's economic growth due to its dependence on fluctuating prices in foreign markets, capital outflow and extensive movement of enterprises beyond Russian legal framework.

Keywords: economic growth, world prices of raw resources, capital outflow, corruption.

В силу известных особенностей отраслевой структуры российской экономики возможности экономического роста России очевидным образом зависят прежде всего от состояния и перспектив развития крупного бизнеса, в первую очередь от компаний, занимающих ведущие позиции в топливно-энергетическом комплексе, металлургии, химии, а также от банковского сектора экономики.

Как известно, в течение целого ряда лет, предшествовавших кризису 2008–2009 гг., для развития отмеченных секторов складывались преимущественно благоприятные условия (и внешние, и внутри страны), в результате чего темпы роста российской экономики были несколько выше, чем в развитых странах. Благодаря этому Россия начала понемногу отвоевывать свои позиции в различных международных рейтингах, сопоставляющих уровни экономического развития разных стран, существенно ухудшившиеся за период реформ. С десятого места по объему ВВП, на котором Россия оказалась к 1998 г. (вместо второго-третьего места в период существования СССР), она к 2008 г. переместилась на шестое место. К сожалению, это перемещение было менее значительным, чем, например, у Китая, который с пятого места в 1989 г. переместился в 2008 г. на второе, или у Индии, переместившейся за эти же годы с десятого места на пятое. Все же и такой рост российской экономики можно считать весьма ценным обстоятельством, так как перспективы сохранения и тем более наращивания темпов роста ВВП на ближайшие годы для России оцениваются как значительно менее благоприятные. Тем более, как известно, разразившийся в 2008–2009 гг. кризис фактически свел на нет достижения предшествовавших ему лет. В результате нашей стране опять надо бороться за сохранение своего шестого места по объему ВВП. Такая борьба является все более сложной для нее задачей

не только потому, что на первые места активно претендуют высокоразвитые экономики Китая и Индии, а также высокоразвитые страны Япония и Германия, занявшие к 2008 г. соответственно третье и пятое места по объемам ВВП среди ведущих стран мира. По расчетам А. Аганбегяна, для того чтобы не потерять шестое место по объемам ВВП, России надо в период 2011–2015 гг. удерживать среднегодовые темпы экономического роста на уровне не ниже 4,0–4,5%. Но, как подчеркивает этот автор, в ближайшей перспективе ей предстоит перейти на «сниженную траекторию социально-экономического развития» [1, с. 48]. Это, несомненно, негативно скажется на возможностях ее экономического роста, которые по ряду причин могут снизиться даже до 3%. В таком случае ускоренное отставание России от наиболее динамично развивающихся стран неизбежно усилится.

Неблагоприятные прогнозы относительно темпов роста российской экономики в предстоящей перспективе базируются в преобладающей своей части на возможном ухудшении ситуации именно для крупного российского бизнеса, развитие которого зависит в основном от конъюнктуры мирового спроса на сырьевые ресурсы.

Если до кризиса 2008–2009 гг. спрос на основные статьи российского экспорта — нефть, газ, лес и трубы из черных металлов — был настолько динамичным, что цены, например, на нефтегазовую продукцию увеличились за 1999–2008 гг. в 8 раз, то сейчас ситуация заметно изменилась. Европейские страны очевидным образом не будут больше увеличивать спрос на российский газ (и из-за состояния их экономики, и благодаря некоторому расширению круга альтернативных вариантов газоснабжения). Начавшиеся поставки газа в Китай оказались почти убыточными из-за заниженной цены и огромных объемов инвестиций, которые потребовались в связи со строительством туда трубопровода.

Таким образом, перспективы сохранения на мировых рынках высоких цен на российские нефть и газ весьма проблематичны. Между тем в случае снижения этих цен неизбежно и снижение темпов экономического роста в России, поскольку есть очевидная прямая связь между этими ценами и динамикой ВВП страны. Как отмечается в приводимом анализе, когда нефть в 1999–2000 гг. подорожала с 15 дол. за баррель до 20, темп роста ВВП России увеличился с 5,4 до 10%. Когда в 2001–2002 гг. цена на нефть немного снизилась, темпы экономического роста с 5,1% снизились до 4,7%. В последние пять лет перед кризисом 2008–2009 гг. при росте цен на нефть примерно на 10 дол. в год темп роста российского ВВП увеличился с 7 до 8% в год. Как видим, в случае снижения цен на нефть все достижения России в плане повышения темпов роста могут оказаться просто иллюзорными, и обнаружится такая неприглядная реальность, как фактический застой, продолжавшийся в течение всех лет реформ.

К тому же нельзя не учитывать, что неблагоприятным для России образом изменяются и сами возможности увеличения физического объема добычи нефти и газа в стране. Если за 1999–2004 гг. добыча нефти в России возросла на 60%, то с 2005 г. физический рост производства экспортной продукции сократился по большинству ее видов до 1–2% в год. Изменение этой ситуации было незаметным, пока цены на российское сырье быстро росли. Но теперь, если эти цены стабилизируются или начнут снижаться, внешняя торговля, как полагает Аганбегян, «из важнейшего источника экономического роста в ближайшей перспективе может стать его тормозом» [1, с. 49].

Не меньше проблем в ближайшее время ждет и российских металлургов. Кроме усиления конкуренции с производителями —экспортерами металлов из других стран, всю эту отрасль ожидает спад в связи с предстоящей массовой заменой стали и цветных металлов новым поколением синтетических материалов.

Не приходится ожидать, очевидно, и какого-либо роста доходов от экспорта российского леса. В части экспорта в европейские страны спрос на лес не может не отражать общую ситуацию в европейской экономике. Что же касается экспорта лесной продукции в КНР, то он происходит настолько бесконтрольно со стороны России, что приносит отечественной экономике не столько доходы, сколько проблемы.

Повышенные для крупных российских фирм возможные неблагоприятные изменения конъюнктуры на внешних рынках, т.е. фактически их высокие внешнеэкономические риски, сочетаются с серьезными проблемами, которые крупный бизнес создает отечественной экономике внутри страны, специфическим образом распоряжаясь доходами от доставшейся ему бывшей общенародной собственности, а также и самой этой собственностью.

Что касается распоряжения доходами, то в первую очередь имеется в виду, конечно, постоянное недофинансирование отечественной экономики из-за сформировавшегося за годы реформ безнаказанного и осуществляемого в небывало огромных для мировой практики масштаба оттока российского капитала за границу с преимущественно неинвестиционными целями, не только не пресекаемого, а, напротив, даже законодательно обеспечиваемого российским государством под предлогом борьбы с инфляцией. Эти ежегодные оттоки капитала увеличиваются в размерах в годы высоких цен на нефть и сокращаются в периоды снижения данных цен (вполне отчетливо сигнализируя тем самым об источнике сверхдоходов), но в среднем, даже по официальным данным, не бывают менее 22–25 млрд дол. в год, а в отдельные годы, как в кризис 2008–2009 гг., могут превышать средние значения более чем в 5 раз.

При этом крупный российский бизнес нашел для себя «хорошее» оправдание таких своих действий, мотивируя их «политической нестабильностью в стране», т.е. существующими для этого бизнеса политическими рисками лишиться права на доходы от вновь приобретенных состояний. Конечно, в современной России владельцы крупных российских компаний в течение всех лет реформ могут в той или иной мере ощущать риск утратить свою собственность не только под воздействием каких-либо очередных экономических кризисов, но и «по политическим мотивам». Этот риск хотя и не всегда заметен, но фактически постоянно время от времени немного подпитывается как «сверху», так и «снизу». С одной стороны, государство вдруг неожиданно вспоминает, что собственность отдельными субъектами крупного предпринимательства добывалась в свое время не совсем праведными способами, и начинает принимать различные меры, вплоть до самых жестких. С другой — население не только помнит многое из истории приватизации 1930-х гг., но и постепенно устает терпеть чванливость и забывчивость новоявленных собственников, а также способы и направления расходования ими того, что раньше «принадлежало всем». Не случайно все наиболее репрезентативные общественные опросы разных лет реформ показывают устойчивое неприятие примерно 80–85% населения страны итогов приватизации и преобладание во всех социальных группах мнения о неспра-

ведливости распределения бывшего общественного достояния страны в пользу сформировавшихся собственников [5].

Вместе с тем пока внешних проявлений существования данного риска для крупных собственников в России почти нет. Интересы государственных чиновников настолько тесно переплетены с интересами владельцев крупных хозяйственных структур, что реальных «изъятий» собственно в пользу государства практически не происходит, если не считать «дела Ходорковского» и нескольких других гораздо более скромных попыток. Население, несмотря на итоги приватизации и сложившиеся в стране порядки распределения и использования собственности и доходов, предпочитает пока терпеть, опасаясь потерять даже то, что имеет. Сами же новые владельцы крупной собственности под предлогом защиты от риска утраты своих доходов и активов продолжают поиски эффективных (для себя) способов обезопасить свою собственность и доходы, пользуясь возникшей возможностью свободного перемещения людей и капиталов в условиях открытой модели российской экономики и развития процессов глобализации в мире.

К настоящему времени следствием таких поисков стала также беспрецедентная по своим масштабам практика массового выхода российских фирм за пределы российского правового поля, т.е. официальное оформление российских предприятий как объектов собственности других стран. При этом если данные об объемах вывоза капитала, хотя и не всегда, может быть, полные, регулярно сообщаются в различных источниках, то вопрос о юридической принадлежности российских фирм фактически почти не освещается в печати. Впервые данные о масштабах такого явления, как изменение юридического статуса этих фирм, были опубликованы в августе 2009 г. [3], когда в СМИ обсуждались итоги кризиса и поведение ведущих российских компаний в этот период. Данные были представлены из предполагавшегося к публикации доклада «Постпикалёвская Россия: новая политико-экономическая реальность», подготовленного отнюдь не правительством страны, а директором Центра исследований постиндустриального общества В. Иноземцевым и научным руководителем Института национальной стратегии Н. Кричевским. В этом докладе в числе других интересных фактов было отмечено, что ведущие компании страны, получившие основную долю помощи от государства во время кризиса, относятся как раз к таким, которые уже в течение ряда лет де-юре не являются российскими, так как зарегистрированы официально в различных офшорах и туда же переводят основную часть своих прибылей. Государство, если можно судить из сообщений в печати, никак не отреагировало на такую информацию. В результате к 2011 г. ситуация в этом отношении не только не улучшилась, но даже и усугубилась, причем опять в печати данные о масштабах этого явления предоставляют журналисты, а не центральные государственные органы. Как отметил весной 2011 г. в своей статье Г. Бовт, «существенная часть российской экономики уже давно выведена в офшоры и вообще находится в иностранной юрисдикции. Так, к примеру, сегодня Кипр (хотя он недавно был исключен из списка офшоров постановлением ЦБ) владеет почти всеми российскими металлургическими гигантами. По разным данным, от 90 до 95% крупных предприятий страны зарегистрировано в офшорных зонах. И именно туда, а не в бюджет переводятся деньги от прибылей, т.е. потенциально — не уплаченные огромные налоги в российскую казну. Более 70% активов самых-самых крупных “как бы

российских” компаний, входящих в первые три десятка, являются собственностью офшоров... По самым скромным оценкам, в офшорные зоны уходит ежегодно не менее 50 миллиардов долларов» [4].

По данным этого же автора, и в США, и в Европе ведется активная борьба против уклонений отечественных фирм от налогов с помощью офшоров. Тех, кто этим занимается, вычисляют и преследуют (их могут даже лишить гражданства). Поскольку и без офшоров фирмы развитых стран могут найти интересные и выгодные для себя варианты вложений своих средств, в сочетании с применяемыми мерами контроля за «утечками капиталов» доля частных активов американцев в офшорах не превышает 2%, европейцев — 10%. В России же это явление смогло стать таким массовым, конечно, в первую очередь потому, что в стране сохраняется вот уже два десятилетия неблагоприятный правовой климат для ведения бизнеса. В то же время немаловажную роль играет и очевидное попустительство со стороны государства относительно данного процесса, а точнее — коррупция среди чиновничьего аппарата на всех уровнях управления. Ведь в этом перемещении за рубеж прав собственности, активов и доходов не менее масштабно, чем предприниматели, участвуют также и чиновники разных рангов, вплоть до самых высоких. Как отмечает в этой связи Г. Бовт, «почти за всеми крупными предприятиями, активно выходящими за пределы налоговой территории России, стоят либо конкретные высокопоставленные чиновники... либо связи с этими чиновниками». Можно предположить, что именно по этой причине официальные российские власти ни в каких сообщениях не упоминают о фактическом положении дел с собственностью «российского бизнеса», даже когда призывают крупных предпринимателей к «социальной ответственности» перед населением и страной. Очевидно, пока не будет выведено все, что еще осталось, данная тема не будет озвучиваться ни на самых верхних, ни тем более на региональных этажах власти. Фактически микроэкономические риски крупных предпринимателей лишиться несправедливо нажитых доходов превратились для России в серьезный общий для всей страны макроэкономический риск остаться вдруг в мирное время, при отсутствии каких-либо военных действий на территории своей страны, без национальной экономики (или по меньшей мере без ее самой сильной части).

Естественно также, что сформировавшееся положение не может не сдерживать экономический рост в России как из-за оттока за рубеж весьма значительных объемов финансовых ресурсов, уходящих в офшоры, так и из-за усиливающегося параллельно этому оттока за рубеж молодых и квалифицированных кадров, которых не привлекает прозябание в недофинансируемой экономике с коррумпированными на всех уровнях госслужбами, необъективной судебной системой, сознательно разрушаемыми системами образования и культуры.

На этом фоне весьма симптоматично, что государство, казна которого теряет по 50 и более млрд дол. в год недополученных из-за крупного «российского» бизнеса налогов, не смеет даже (или не хочет) ввести в России, как во всех странах, систему прогрессивного налогообложения, чтобы хоть таким образом как-то снизить ущерб экономике и обществу от действий крупного российского бизнеса. Очевидно, правы те отечественные экономисты, которые отмечают, что немалая часть крупного бизнеса в России «носит криминально-паразитический характер... Этот бизнес обворовывает, а не обогащает страну, он не может служить инс-

трументом модернизации России, а, напротив, подрывает ее силы, коррумпировав власть и общество» [2, с. 34].

Список использованной литературы

1. Аганбегян А. О месте экономики России в мире: (по новым данным о международном сравнении валового внутреннего продукта) / А. Аганбегян // Вопросы экономики. — 2011. — № 5. — С. 43–53.
2. Брутенц К. О реструктуризации современных международных отношений / К. Брутенц // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 12. — С. 26–37.
3. Известия. — 2009. — 18 авг.
4. Известия. — 2011. — 7 апр.
5. Капелюшников Р. Собственность без легитимности? / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2008. — № 3. — С. 85–105.

Referenses

1. Aganbegyan A. O meste ekonomiki Rossii v mire: (po novym dannym o mezhdunarodnom sravnenii valovogo vnutrennego produkta) / A. Aganbegyan // Voprosy ekonomiki. — 2011. — № 5. — S. 43–53.
2. Brutents K. O restrukturalizatsii sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii / K. Brutents // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. — 2009. — № 12. — S. 26–37.
3. Izvestiya. — 2009. — 18 Aug.
4. Izvestiya. — 2011. — 7 Apr.
5. Kapelyushnikov R. Sobstvennost' bez legitimnosti? / R. Kapelyushnikov // Voprosy ekonomiki. — 2008. — № 3. — S. 85–105.

Информация об авторе

Макарова Галина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и институциональной экономики, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Author

Makarova Galina Nikolaevna — Doctor of Economics, Professor, Chair of Economic Theory and Institutional Economy, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003.